

Стенограмма конференции: «Опыт разрешения конфликтов в КР: проблемы и перспективы»

Стенограмма конференции: «Опыт разрешения конфликтов в КР: проблемы и перспективы»

12.02.2014

16-17 января 2014г. в Институте общественной политики прошла конференция на тему: «Опыт разрешения конфликтов в КР: проблемы и перспективы».

Модератор: Сергей Масаулов, президент Центра перспективных исследований

Участники:

Санжар Абакиров, исполнительный директор исследовательского института «Сереп»

Билимбек Ажибеков, ассистент координатора проектов ОФ САМР Алатоо

Фидана Алиева, член Правления Бишкекского Центра Медиации и Активного Тренинга, директор по развитию и управлению проектами

Эльмира Арапова, руководитель юридической клиники «Адам жана укук»

Наталья Афанасенко, ассистент программ «Лига защитников прав ребенка»

Ырысбубу Бейбутова, декан ФМО ИИМОП КНУ

Алия Буркитова, «Уменьшение конфликтов и продвижение толерантности путем усиление структуры школьного самоуправления», MSDSP инициатива Фонда Ага Хан, (г. Ош)

Айтумар Жеенбекова, советник директора бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии МПА

СНГ

Сайкал Жунушова, к.с.н., доцент, докторант кафедры Социологии КНУ имени Ж. Баласагына

Алия Ибраимова, ассистент координатора проектов ОФ САМР Алатоо

Муратбек Иманалиев, президент Института общественной политики

Асель Исмаилова, член координационного совета Молодежного крыла политической партии «Акшумкар», участница проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»

Нургул Казак кызы, к.п.н., доцент, докторант кафедры Политологии КНУ имени Ж. Баласагына

Кубанычбек Кенешбек уулу, студент МУК, волонтер ЮК «Адам жана укук»

Рита Карасартова, председатель Института общественного анализа

Нурлан Карымшаков, советник директора бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии МПА СНГ

Чинара Кашкараева, преподаватель Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Ельцина

Гулсина Кожоярова, президент Центра медиации и правовых технологий

Элдияр Кокоманов, председатель молодежного комитета ЖАГУ, город Жалал-Абад

Наргиза Конушалиева, сотрудница «Лига защитников прав ребенка»

Шумкарбек Кочоров, студент МУК, волонтер ЮК «Адам жана укук»

Мурат Кошмуратов, руководитель ОФ «Архитектура мира»

Сезим Леспек кызы, студентка БФ МИПП, волонтер ЮК «Адам жана укук»

Дилшат Мавлонов, ОО «Клуб молодых политиков», город Баткен

Асель Мамбетова, международная организация ACTED

Канатбек Маметов, руководитель Молодежного Центра Развития, (с. Жаны-Жер), участник проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»

Темирлан Молдалиев, сотрудник Исследовательского института «Сереп»

Эльмира Ногойбаева, руководитель аналитического центра «Полис Азия»

Дильфуза Нуркулова, студентка БФ МИПП, волонтер ЮК «Адам

жана укук»

Жоомарт Ормонбеков, национальный советник Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии

Светлана Пак, эксперт по межэтническим отношениям

Виталий Пыхов, студент МУЦА, Факультет «Международные отношения и политика», участник проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов» (г. Токмок)

Багышбек Райымбеков, ведущий специалист департамента по межэтническим отношениям, ГАМСУ КР

Айжан Саякбаева, студентка БФ МИПП, волонтер ЮК «Адам жана укук»

Чинара Сейдакматова, общественный деятель

Наргиза Сталбекова, студентка МУК, волонтер ЮК «Адам жана укук», участница проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»

Саламат Сыймыкбек кызы, студентка МУК, волонтер ЮК «Адам жана укук»

Кымбат Таалайбекова, студентка МУК, волонтер ЮК «Адам жана укук», участница проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»

Салия Тайлакова, к.ю.н., доцент кафедры «Теория и история государства и права» Ошского Государственного Юридического Института, (г. Ош)

Эльнура Токтомушева, волонтер ЮК «Адам жана укук», участница проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»

Иманмады Толомушов, студент КНУ имени Ж. Баласагына

Доолотбек Толкуналиев, студент БФ МИПП, волонтер ЮК «Адам жана укук»

Бактыкан Торогельдиева, кандидат исторических наук, Профессор АГУП КР

Бахтияр Турсунбеков, ОФ «Намиян», (г. Талас)

Гульбара Ували кызы, руководитель ОФ «Намиян», (г. Талас)

Абдурасулжан Умаралиев, координатор проекта «Уменьшение конфликтов и продвижение толерантности путем усиление структуры школьного самоуправления», MSDSP инициатива Фонда Ага Хан, (г. Ош)

Данияр Урманбетов, преподаватель кафедры «Международные

отношения» МУК КР

СМИ:

Алимджан Валиев, ИА «Туштук»

Мээрим Дуйшеналиева, «Биринчи радио»

Татьяна Кудрявцева, ИА «24.kg»

Калбу Сыргакбек кызы, «ЭлТР»

День первый, 16 января 2014г.

Приветственное слово

Муратбек Иманалиев: Я рад приветствовать всех участников данной конференции. Вопрос, обозначенный в повестке дня этого собрания, весьма серьезный и актуальный не только для нашей страны. Все страны обладают набором непростых проблем, которые сегодня связаны с проблемами конфликтологии. Человечество переступило порог глобальной конфликтности, которая охватывает все формы и виды жизнедеятельности человека, включая такую весьма сложную проблему, как демографическое перенасыщение.

Существуют конфликты разного типа и вариантов. Несмотря на определенную универсальность оснований происхождения конфликтов, каждая страна и регион имеют свои специфические виды и формы конфликтов, которые не присущи другим регионам и государствам. Не является исключением и центральноазиатский регион и в том числе наша страна. В силу большей открытости общества в Кыргызстане, конфликты более явные и транспарентные, их ощущает почти каждый житель нашей страны.

Эта конференция должна дать определенный интеллектуальный и организационный импульс для многих людей. Идеи и рекомендации, высказанные вами, будут взяты на вооружение многими

институциями, в том числе, и государственными учреждениями.

Вы будете касаться различных вопросов, говорить о традиционных способах разрешения конфликтов, истории разрешения конфликтов и так далее. Очень важно историческое обоснование действий, которые определяют наше будущее. Это касается не только кыргызскоязычной среды, но и людей других национальностей, которые проживают в нашей стране.

Как мы все понимаем, существуют современные способы разрешения конфликтов. Посреднические услуги, которые оказывают не отдельные люди, а серьезные международные структуры, либо внутригосударственные образования в виде НПО, НКО и так далее. Велика роль в решении конфликтов и самого государства. Вопрос о том насколько государство способно решать вопросы, связанные с конфликтами, насколько власть способна использовать разум и силу для решения этих проблем, тоже подлежит серьезному обсуждению.

Я бы хотел ограничиться комментарием по поводу традиционных и современных способов решения конфликтов, но вместе с тем я очень хорошо понимаю, что у вас, как людей опытных и знающих, способных к воспроизводству идей, есть свои представления о том, как это можно делать. Вопрос может касаться и методологии, и технологии, и идеологии решения конфликтов в нашей стране.

В завершение своего выступления я хотел бы еще раз подчеркнуть важность данной конференции. Я предлагаю вам рассказать о том, как на практике вы способствовали разрешению конфликтов, как вы себе представляете возможное решение проблем, связанных с жизнедеятельностью нашего государства, отдельных регионов страны, либо определенных социальных страт. Я думаю, что все это будет очень интересно и хочу пожелать вам всем успехов.

Сессия №1 «Анализ конфликтного потенциала в КР»

Спикеры:

Эльмира Ногойбаева, руководитель аналитического центра «Полис Азия»

Сергей Масаулов, президент Центра перспективных исследований

Эльмира Ногойбаева: Недавно я была в Ошской и Джалал-Абадской областях. Каждый раз, когда я возвращаюсь из таких поездок, то новые наблюдения и открытия меняют мое отношение к тому, что сформировалось буквально год назад, особенно в сфере, связанной с конфликтами и способами их разрешения и предотвращения.

Когда я изучала конфликтологию, то теоретические выкладки, методы и технологии мне казались универсальными, я считала, что их можно применять как в бытовых и семейных, так и в более серьезных конфликтах. На сегодняшний день у меня есть некоторые сомнения по этому поводу.

Предмет обсуждения данной конференции – это возможности предотвращения и разрешения конфликтов, следовательно, возникает вопрос: каких именно конфликтов?

Во время поездки я имела возможность увидеть разнообразные конфликты: политические конфликты; социальные конфликты; латентные этнические конфликты; приграничные конфликты.

На мой взгляд, до сих пор недооцененным является конфликт, связанный с миграцией. Целевой группой моего исследования были мигранты. В селах, из которых выезжает работоспособное население, остаются только пожилые люди и дети. На мой взгляд, именно здесь формируется социальный конфликт, который

фактически не исследуется. Мы не знаем и даже не представляем себе ситуацию, которая складывается в селах. Там формируются очень серьезные и глубокие проблемы, которые в скором времени выйдут на первый план.

После 2010 года все сфокусировали свое внимание на изучении этнической составляющей конфликтов, но на самом деле нужно говорить не об этнической, а о социально-экономической и политической подоплеке конфликтов.

Также необходимо сказать о приграничных конфликтах, которые происходят достаточно часто. Работать с подобными конфликтами очень сложно, так как не решен вопрос делимитации и демаркации.

Для того, чтобы происходило развитие в том или ином обществе, нужна мобилизация идей, потенциала, сил, понимания ценностей и так далее. В нашей стране происходит процесс фрагментации, мы все время делимся: на кланы; на этнические, региональные образования; на кыргызов и киргизов. Мы сами порождаем преграды, которые разделяют наше общество, создают конфликтную среду.

На юге и в Бишкеке было реализовано очень много проектов, направленных на снижение конфликтности. Но, к сожалению, результаты многих из них, честно сказать, не всегда соответствуют ожиданиям. Можем ли мы быть уверены, что все технологии разрешения конфликтов действительно работают? Насколько эффективны проекты, которые мы реализуем? Эти вопросы я задаю, прежде всего, себе, потому что сама реализую эти проекты.

Когда я рассматриваю Кыргызстан в целом, я понимаю, что у нас на поле по снижению конфликтности работают международные организации, государство, неправительственные организации, но

направления, которые они реализуют, не пересекаются.

На данный момент можно говорить о нескольких направлениях по снижению конфликтности в Кыргызстане. Кто-то занимается построением мира и развитием, это очень благостная цель, но абстрактная. Миростроительство само по себе абстрактно.

Есть проекты, направленные на работу с местными сообществами, которые помогают мобилизоваться и учат выходить из сложных ситуаций.

Часть проектов направлена на осуществление просветительской деятельности касательно толерантности и конфликтов, другая часть проектов направлена на изучение вопросов безопасности.

Существует сектор гражданских организаций, которые вплотную занимаются разрешением конфликтов посредством медиации в социальной среде на различных уровнях. Но я все больше сталкиваюсь с тем, что они фактически не продвигают эту идею в общественное сознание. На данный момент в широких слоях населения отсутствует понимание об их деятельности.

На мой взгляд, когда мы говорим о конфликте и медиативных практиках, то фактически не опираемся на традиционные институты, которые издревле существуют в стране. Особенно это видно в регионах, селах. Я разговаривала со многими представителями гражданских организаций, и они мне говорят такие слова как эдвакаси, лоббирование, ПСП-психосоциальная помощь, но как эти методы использовать на практике, они не знают. Я у них спрашивала, о таких понятиях, как «ынтымак», «ашар», «адамкерчилик», которые есть во всех сообществах. Они ответили, что помогают нуждающимся семьям. Я говорю, что это, по сути, и является частью ПСП. Если мы несем позитивные практики разрешения конфликтов, то нужно их переводить на понятный простому населению язык, необходимо использовать

традиционные понятия, тогда это будет гораздо функциональнее.

Что касается государства, то надо отметить, что хотя прошло уже 20 лет, но оно до сих пор не дало ответы на основные вопросы: «Кто мы?», «Куда мы идем?» Эти вопросы до сих пор остаются актуальными. Когда мы наблюдаем любую политику государства, в частности, этническую, мы видим, что государство не ответило на этот вопрос. Например, это явно видно в случае с концепцией этнической политики, которая до сих пор не доработана.

Сергей Масаулов: Я бы хотел сразу определить свою позицию, в течение конференции я буду модератором, мне важнее всего то, что будете говорить вы. Я буду пытаться вам помочь, фиксировать какие-то результаты, которые мы получим при работе с медиаторами, молодежью, преподавателями. В начале 2014 года возникла необходимость осмыслить то, что произошло, поэтому было предложено такое название конференции: «Опыт разрешения конфликтов в КР: проблемы и перспективы».

Мы хорошо осознаем, что опытом поделиться нельзя. Обмен опытом – это ошибка в определении, опытом не обмениваются, о нем можно только рассказать, слушатели же могут сделать для себя определенные выводы. Я попытаюсь содействовать, тому чтобы стиль нашей конференции был именно таким, когда каждый рассказывает о своем опыте, а люди, которые это слышат, могут взять из этого для себя что-то из этого, но в переработанном виде.

Двадцать лет нашей независимости показали, что прямое применение чужого опыта приводит только к путанице в головах и состоянию полного «раздрая». Всегда необходимо иметь свой опыт, если же его нет, то вырабатывать. Я считаю, что, прежде всего, надо исходить из наработанных принципов и правил, и смотреть насколько к ним подходят современные технологии. Если

они не подходят к нашей реальности, то какими-бы они не были совершенными, как бы они нам не нравились, надо приостановить внедрение этих технологий, так как пока непонятно, как они будут ложиться на нашу социальную ткань.

В течение конференции мы пройдем с вами три круга. Первый круг: обучение конфликтологов в Кыргызской республике, опыт, проблемы и возможные перспективы.

Второй круг: работа с медиацией как с институтом. Такой работой занимаются многие организации в нашей стране, и по опыту могу сказать, что у нас существует путаница между такими понятиями как «медиация» и «миротворчество».

Третий круг: опыт молодежных организаций, социализация через работу над конфликтами. Такая тема выдвинута, потому что за последнее время было уделено слишком много внимания именно этому аспекту. У нас уже четвертый год на первый план выдвигается социально-политическая деятельность молодежных групп. Я думаю, что опыт работы с молодежью за четыре года показал, что пора подключать ее к работе в нормальных, разумных, построенных проектах.

Конференция не ставит перед собой задачу спроектировать и выработать что-то, но подспудно, рассматривая свой опыт, мы постараемся определить некие перспективы.

Теперь я хотел бы выступить по теме своего доклада «Анализ конфликтного потенциала в Кыргызской Республике» и заложить основание того, как мы будем работать дальше.

Когда мы занимаемся конфликтами, первое что обращает на себя внимание — это то, что конфликт очень трудно генерализировать: взять и сложить некий концепт вокруг четкого предмета и объекта, его тяжело вобрать в привычную вещь под названием

«теория». Выстроить теорию очень сложно, потому что вы, вдруг, сталкиваетесь с тем, что конфликт можно находить везде, более того он может отождествляться с любым противоречием. Сколько противоречий, столько и конфликтов, классификация начинает расползаться. Кроме того, есть мнение, что конфликт полезен, потому что в нем вырабатывается что-то новое, через конфликт мы создаем будущее, и так далее. Мы тонем в попытках понять, что к чему, потому что все оказываются правы. Это первая проблема, нам необходимо определить, что такое конфликт. Когда мы говорим о конфликте, то, что конкретно мы имеем в виду?

Поэтому я предлагаю отойти от общей связки и перестать отождествлять конфликт с противоречием, а сформулировать жесткое определение конфликта, и уяснить, что конфликт связан исключительно с определенными действиями людей. Соответственно, на первый план выходит взаимодействие между людьми. Взаимодействие бывает конкурентным и деструктивным. Под конфликтами можно понимать, прежде всего, деструктивное взаимодействие, когда в противостоянии люди ставят перед собой задачу сноса противника. Деструктивное взаимодействие характеризует конфликтность как таковую. В деструктивном взаимодействии, конфликт проявляется в виде противоречия между тем, что хотели и тем, что получили на практике.

Люди в нашей стране стремятся к лучшему, но мы видим, что социальная ткань нашего общества начинает расползаться, происходит атомизация общества. Вместо развития и становления личностей, происходит дробление общества, вплоть до атомов-людей, которые свою индивидуальную физиологию ставят на первое место. Удовлетворение индивидуальных физических потребностей становится сутью и смыслом деятельности этих людей.

Для интеллигенции это очень важный аспект, потому что роль интеллигенции в нашем обществе, почти свелась к нулю, если сравнивать, с тем, что было двадцать лет назад. Распад в

идеальном мире уже состоялся, очень остро это чувствуют преподаватели. Они преподают студентам, которые ходят на занятия только лишь для того, чтобы получить корочку, непонятно только зачем, ведь самые умные из них ее просто покупают. Что делать преподавателю, который хочет передать знания, а перед ним сидят люди с совершенно пустыми глазами? Это происходит потому, что случился разрыв между поколениями. Молодое поколение очень часто задается вопросом: «А чему вы нас собираетесь учить, ведь это никого отношения к нашей жизни не имеет?», и ведут себя в соответствии с этим тезисом.

Ни одно общество, как некая целостность, не живет без традиций. Общество в каком-то смысле, это, прежде всего, традиции. У нас происходит деструктивное взаимодействие в виде борьбы традиций с неким подвидом традиционализма, архаизацией общественной жизни. По сути, заменяется живая традиция, которая позволяет членам сообщества взаимодействовать. Например, есть такая традиция, как гостеприимство. Вместо этого появилась архаика: если гость соответствует некоторому ряду критериев, то его принимают, а если не соответствуют, то нет. В некоторых регионах я наблюдаю, поразительные вещи, связанные с разрушением традиций, когда на первый план выходят не аксакалы – люди, которые имеют опыт, а молодой человек, полубандитского типа с деньгами. Традиция заменяется идеологической архаизацией, то есть происходит распространение идеологических установок. Эти установки становятся опасны для человека, потому что если он не следует им, то становится врагом.

В обществе возникли деструктивные социальные группы, они противостоят конструктивным, причем столкновение этих групп мы наблюдаем ежедневно. Те кто, как им, кажется, традиционно выражают свой протест в форме немедленного «кетсинизма», действуют деструктивно, усиливают конфликтность. Те, кто говорит, что не стоит окончательно разрушать законность в обществе, необходимо принять легитимную реальность и дальше

жить в рамках закона, действуют конструктивно.

Когда люди сельской ментальности приезжают в город, то они его воспринимают враждебно, это другая жизненная среда, по-другому устроенная. Люди в айылах живут очень тяжело, произошло разрушение в социальном плане. Масштабный выезд на работу – это разрушение идеи фермерского хозяйства. Согласно исследованиям у нас на одно крестьянское хозяйство по статистике приходится 1,8га земли – это малоземелье, на котором вряд ли что-то можно вырастить и обеспечить свой прожиточный уровень. Одновременно с этим возникли латифундии – большие фермерские хозяйства по 500-600 га, где должны появиться батраки, домашнее рабство, эксплуатация женщин и так далее. Все это ведет к дальнейшей архаизации и распаду, а это конфликт.

У нас фактически возникло пять Кыргызстанов:

Первый Кыргызстан – традиционный, в котором люди живут, используя традиции. Они пытаются восстановить страну, опираясь на национальную традицию. И здесь возникает конфликтность, потому что, отстаивая свою идею, они начинают опираться на какие-то отдельные кусочки этого всего и противостоять другим.

Второй Кыргызстан – советский – это большие группы людей, живущие в спальных районах города – они выступают за советскую систему управления государством по вертикали; это орготделы, работающие точно также как в 1992 году. Поэтому появляется руководитель горкенеша – орговик, который стоит возле урны во время голосования и говорит: «Показывай мне, как проголосовал». Кыргызстан советский – это люди, у которых в голове на первом месте – норма.

Третий Кыргызстан – демократический – это люди с внедренными демократическими инструментами, форматами, процедурами и стандартами. Они говорят об идеологии, нарушениях, о том, что те или иные явления недемократичны. По форме и процедурам у нас есть демократический парламент, но большая часть людей находится в недоумении, потому что у этого института нет эффективности, продуктивности и результативности. В демократическом Кыргызстане нарастают деструктивные тенденции, в том смысле что люди, давно работающие в НПО, становятся все более радикальными – отрицают все, что происходит в стране, потому что, по их мнению, это каждый раз не то, что необходимо.

Четвертый Кыргызстан – конфессиональный. Конфликт здесь возникает, потому что все по-разному понимают религию. «Религаре» – в переводе с латинского языка «быть соединенным со всевышним». А вместо этого подставляется следующее: ты должен верить, так как иначе будешь чужим. На первый план выходит деструктивное взаимодействие. В конфессиональном Кыргызстане нарастают деструктивные столкновения, как внутри конфессий, так и по отношению к привнесенным сюда конфессиям.

Пятый Кыргызстан – информационный – это группа молодых людей, совершенно свободно живущих в информационном мире, они уже принадлежат миру, свободно связываются с любой точкой мира, у них есть друзья в любой точке планеты. А когда с этим молодым человеком начинаешь говорить о проблемах Кыргызстана, то он не понимает, о чем ты говоришь, так как он живет в другом мире.

Развитие технологий неизбежно, примерно через три года мы попадем в новую технологическую волну. К сожалению, технологические изменения происходят далеко от нас. Появляются новые возможности, развиваются информационные, медицинские

технологии, принципиально новые технологии в энергетике – это вызов, на который нужно ответить. Информационный Кыргызстан необходимо использовать для того, чтобы принять этот вызов и каким-то образом успеть найти свое место, ведь можно вновь остаться на задворках.

В стране активным образом внедряются регулятивы, ценности, разрушающие ткань общественной жизни.

Под конфликтом я предлагаю считать только деструктивные взаимодействия в соответствии с защитой каких-то регулятивов, ценностей, в действиях тех или иных людей. Когда мы защищаем что-то и действуем деструктивно по отношению к другому, то это конфликт. Если мы обратимся к опыту только вокруг этого, тогда у нас получится предметный разговор.

Багишбек Раимбеков: Меня интересует вопрос места и роли так называемого глобалиста в нашем подрастающем поколении. Вы детально рассказали об информационном поле, о нашей молодежи, которая живет в виртуальном, информационном пространстве, но могут ли глобалисты нести пользу для нашего общества?

Сергей Масаулов: Последнее исследование по молодежи проводилось у нас в центре в 2011 году. На 2011 год ситуация была следующая. В обществе были отдельные группы молодежи, которых можно идеологически приписать к неким глобалистам, то есть к людям, которые:

a) сомневаются в необходимости национальной государственной формы правления.

b) живут в мире, в котором они никак не пересекаются с этой национальной государственной формой правления, а видят себя и свое будущее во взаимодействии с какими-то крупными

неправительственными организациями международного уровня.

Эта группа молодых людей была неспособна обсуждать ситуацию и проблемы в стране, а самое главное -вырабатывать способы действия. По нашим подсчетам на тот момент эта группа не превышала пяти процентов.

Багишбек Раимбеков: Вы также упомянули мигрантов, чем это опасно для нас?

Сергей Масаулов: С мигрантами ситуация обстоит интереснее. Наши мигранты быстро умнеют, и те, кто вернется в страну, станут людьми совершенно иного типа, людьми, которые пережили много трудностей. Они очень ясно осознали, что такое национализм на практике, узнали разные способы защиты своих прав, из них может вырасти будущая политическая элита. Но в основном эти люди просто зарабатывают деньги, есть отдельные личности, которые могут стать политическими лидерами в будущем.

Мигранты делятся на две неравные группы. Есть небольшая группа предельно активных молодых людей, которые заняли, на мой взгляд, великолепные позиции в деловом обществе Москвы и других городов России.

Вторая группа наших мигрантов – это управляющие, люди, которые умеют распределять мигрантов по рабочим местам. К примеру, консьержи в крупных элитных домах в Москве, в основном все выходцы из Кыргызстана. На мой вопрос, кто их распределяет, мне сказали, что есть организация, во главе, которой стоят мигранты из Кыргызстана. По сравнению с мигрантами из других стран, кыргызы не пьют, поэтому их чаще нанимают на работу, и они целыми семьями работают и получают хорошие деньги.

Муратбек Иманалиев: У меня есть свое понимание того, что вы

именуете виртуальным миром, или если говорить более понятно – Интернет-пространством.

Дело в том, что виртуальное пространство возникло не сегодня. Вообще, изобретение букв и цифр – это и есть первый шаг человека в мир виртуального сознания, виртуальных действий.

Я не занимаюсь этой проблемой серьезно, но могу лишь сказать, что Интернет – это способ глобализации людей, как выхода в иное пространство общения и не более того. Это пространство будет структурироваться, сейчас по мере того, как возникают Интернет-сообщества, абсолютно четко прослеживаются все признаки национальной, этнической, расовой, государственной, гражданской принадлежности. Но парадокс в том, что на этой базе возникают новые Интернет-государства, Интернет-религии, Интернет-партии, поэтому Интернет-пространство, как инструмент формирования всех этих образований не всегда контролируется государством, хотя там существуют люди, способные действовать как политические лидеры в нашей реальной жизни.

Не очень понятно к чему это приведет впоследствии, точно известно, что никто из людей, живших до нас, не смог предопределить то, что произойдет с нами, и точно также никто из нас не сможет четко прогнозировать, что произойдет с поколением людей, которые будут числиться нашими правнуками и предугадать то, как они будут жить. Интернет-войны существуют уже сегодня.

Эльмира Ногойбаева: Мы изучали идеологическую представленность в Кыргызстане. У нас есть либералы – это молодые и не очень молодые ребята, которые получили образование за рубежом, они включены во все эти сети взаимодействия. Они продвигают идею либерализма, несмотря на то, что на сегодняшний день в мире она или дискредитирована, или считается неактуальной.

После кризиса все больше транслируются ценности левого характера. Благодаря таким тенденциям появляются молодые люди, которые являются приверженцами левого крыла, с абсолютно новым прочтением Маркса, новыми технологиями дискурса и инструментами, которые продвигают идеи Маркса и Ленина. Для меня это было большим открытием, потому что, по сути, ребята не понимают что это такое, но их интерпретация достойна внимания. Это, на мой взгляд, тоже глобализационная тенденция, потому что пять лет назад на нашей идеологической площадке не было такого разнообразия взглядов.

Сергей Масаулов: Действительно, буквально недавно я получил заказ от одной молодежной группы на проведение семинара по Карлу Марксу. Это было неожиданно для меня.

Опасность с этой группой из информационного Кыргызстана только в одном. У нас появляется и расширяется слой людей, который называется «видиоты». Они неспособны читать тексты, они понимают только картинку.

Баккан Турагельдеева: Я пять лет работала консультантом образовательных программ Международного Комитета Красного Креста, им был создан учебник «Через гуманизм к миру», я хотела бы призвать всех по возможности посмотреть этот учебник. Он изучается во всех школах нашего Кыргызстана. В нем представлены культурные, традиционные ценности.

Сергей Масаулов: Во многом проблема для нас заключается в том, что литература есть, если ты что-то ищешь, то обязательно найдешь это, вопрос только в том, как это использовать?

Асель Мамбетова: Я читала вашу статью о формировании элиты, мы много слышали об атомизации нашего общества. Вы говорили о разделении нашего общества по региональному, языковому признакам. В этом контексте, инициатива власти, в частности

инициатива президента о формировании единой элиты, в лице Национального корпуса развития, может стать той площадкой, которая преодолет конфликтные, деструктивные идеи, заложенные в атомизированных группах?

Эльмира Ногойбаева: Государство на сегодняшний день не может сформировать понимание идентичности, оно не формирует общие идентификационные понимания, концепты, которые просто необходимы для мобилизации общества. Например, та же этническая концепция создает конфликтную среду с юридической точки зрения.

Если мы говорим о мобилизующих проектах, то в Кыргызстане очень много локальных проектов, они, конечно, не называются так амбициозно, но существуют «Школа демократии», школа «Гражданского образования» и прочее. В этих проектах задействованы люди, которые собираются заниматься развитием нашей страны, некоторые выпускники таких проектов взаимодействуют на сетевом уровне, они формируют общую дискуссию.

Другое дело, что подобные проекты когда-то и где-то должны пересекаться. Пространство для их пересечения, так или иначе, должно задавать государство.

Затем участники конференции провели обсуждение в малых группах на тему «Основные препятствия в области продвижения мирных методов разрешения конфликтов». После завершения обсуждения каждая из групп представила свои наработки, в которых, в качестве основных, были отмечены следующие препятствия:

- Отсутствие структурированной, принятой в обществе информации об альтернативных методах разрешения конфликтов, в том числе медиации;
- Отсутствие информации о мирных методах разрешение конфликтов на государственном языке.
- Отсутствие закона о мирных методах разрешения конфликтов;
- Отсутствие поддержки со стороны государства;
- Некомпетентность органов МСУ при использовании мирных методов разрешения конфликтов, в том числе медиативных технологий;
- Отсутствие профессиональных конфликтологов, медиаторов, несмотря на то, что их повсеместно обучали в больших количествах
- Нет общности сообщества конфликтологов, медиаторов и их единого реестра;
- В обществе устоялось мнение, что конфликты должны разрешаться бесплатно;

Сессия №2 «Профессиональное обучение конфликтологов в КР»

Спикеры:

- **Эльмира Арапова**, руководитель юридической клиники «Адам жана укук»
- **Ырысбубу Бейбутова**, декан факультета международных отношений ИИМОП КНУ им. Ж.Баласагына

Эльмира Арапова: Добрый день, уважаемые участники конференции. В своем докладе я хотела бы поделиться опытом и наработками,

которые у нас есть.

Я обучалась медиации на базе Института общественной политики. Я работаю в образовательной системе, руководителем направления «Социальная работа и социология» в Международном Университете Кыргызстана и заведу кафедрой «Правоведения» в Университете имени Ишеналы Арабаева. У меня появилась идея внедрить в учебный процесс новые предметы, такие как медиация и конфликтология. В связи с этим возник вопрос: как связать инструменты медиации с учебным процессом, чтобы наши студенты владели инструментами мирного разрешения конфликтов?

Во время обучения тренеры делились своим опытом и рассказали о том, что медиации можно обучать в вузах, для этого необходимо только желание. У нас такое желание было, и мы переработали рабочий учебный план в двух вузах. На сегодняшний день наши студенты в двух вузах проходят курсы по выбору. Курс для правоведов называется «Медиация, как несудебная форма разрешения конфликтов», по нему обучаются студенты как очного, так и заочного отделения. Для студентов специальности «Социальная работа» МУК введен курс «Медиация в социальной работе». Руководством эти курсы одобрены, в рабочие учебные планы они введены, студенты сдают зачеты. Кроме того, по этим курсам в прошлом году были защищены две дипломные работы на «отлично». Также в этом году утверждена магистерская диссертация по теме: «Развитие медиации в Кыргызстане».

Во многих учебных планах есть предмет «Конфликтология» он рассчитан на 36 часов, поэтому тема раскрывается не полностью, а у нас «Медиация» идет отдельно как курс по выбору. Наши студенты кроме изучения теоретических материалов, принимают участие в проектах юридической клиники «Человек и право». На протяжении трех лет студенты используют медиативные технологии при разрешении конфликтов, мы помогаем несовершеннолетним разрешать различные конфликтные ситуации медиативным путем. В России есть Школьные службы примирения, в Кыргызстане в

некоторых школах также реализуется подобный проект, мы также пытаемся внедрить такие службы в наших пилотных школах.

Школа – это одна из конфликтогенных зон, тем более, что в последнее время проблема школьного рэкета стоит очень остро, наряду с проблемой суицида в школах. У будущих конфликтологов есть большое поле деятельности.

Пока в Кыргызстане нет программы по подготовке конфликтологов, после которой выпускник мог бы получить диплом по специальности «Конфликтолог». Есть магистерская программа по конфликтологии в Институте интеграционных международных образовательных программ (ИИМОП) Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, в остальных вузах подобные программы только будут внедряться. Сейчас идет реформа высшего образования, через пять лет будут новые стандарты, новые специальности и среди них, я думаю, появится специальность конфликтолога, а может быть и медиатора.

Ырыс Бейбутова: Учитывая большой конфликтогенный потенциал нашего региона, в 2003 году мы открыли «Центр изучения региональных конфликтов» в Кыргызском национальном университете имени Ж. Баласагына, на факультете «Международных отношений».

Мы начали с проведения мирных игр на различные темы, связанные с конфликтами по линии ЮНЕСКО, затем организовывали мирные игры по модели ООН, ОБСЕ.

Когда мы впервые попытались открыть такую специализацию, и пришли на утверждение, нам было сказано, что никаких конфликтов нет, даже если есть, то они все решаемы, естественно, все решалось силовым способом. Одно время нам не разрешали проводить тренинги, но всегда есть прогрессивные люди, которые помогают и пробивают дорогу. Таким образом, в

2003 году мы открыли специализацию в рамках направления «Международные отношения». Это означает, что после вузовского компонента, на третьем, четвертом и пятом курсах вводятся по четыре предмета с углубленным изучением региональных конфликтов. В течение семи лет мы подавали заявку в Фонд Сороса и ОБСЕ на магистерские программы, но они не смогли нам помочь.

К настоящему времени мы провели тринадцать игр, по каждой игре есть публикации. Мы проводили мирные игры. После игр участники выходили довольные тем, что смогли разработать какую-то концепцию.

Мы попытались подготовить настоящих конфликтологов через магистратуру, но их было мало, два-три человека. После обучения они идут работать в международные организации и забывают факультет, а о том, чтобы дать следующему поколению системное образование в области конфликтологии, они даже не думают. Даже в финансовых международных организациях есть проекты, направленные на предотвращение конфликтов, и наши специалисты просто «расползлись» по этим международным организациям.

В течение многих лет мы работаем с Фондом «За международную толерантность», мои студенты проходили там практику, и переводческую и производственную, помогали Рае Кадыровой в мониторинге Баткенского конфликта в 2010 году. Высокомотивированных студентов мы постарались включить в разнообразные программы, поспособствовать и отправить учиться за границу. В частности, мы поддерживаем тесные связи с Университетом мира ОБСЕ в Австрии, с университетом ООН в Коста-Рике. В этих университетах были программы по Центральной Азии, но по разным причинам все они закрываются, наверное, в силу отдаленности и отсутствия специалистов, которые бы там могли продолжать эту работу.

С целью систематизации работы, проделанной в течение пятнадцати лет, мы открываем новое направление. В этом году вводятся стандарты образования нового поколения, разрабатываются новые учебные планы по всем направлениям. Мы подаем на утверждение новый учебный план для магистратуры, и, возможно, кто-то из вас заинтересуется этой программой, которая будет называться «Конфликтология и миростроительство». Курсы по этой программе глубоко сосредоточены в области конфликтологии. Я надеюсь, мы сможем дать системное образование студентам в этой узкой области.

Эта программа будет включать в себя историю, методологию исследования конфликтов и миростроительства, методы исследования и анализа конфликтов, теорию конфликта и мира, современные конфликты в международных отношениях, введение в конфликтологию и миростроительство, информационные технологии и прогнозно-аналитическую деятельность в конфликтологии и миростроительстве, конфликтологические проблемы в Центральной Азии, превентивную дипломатию, многоуровневую дипломатию, теорию насилия, трансформацию конфликтов. Словом все, что касается конфликтологии, мы постарались отразить в новом учебном плане. Новая программа будет привлекать всех, кто имеет высшее гуманитарное образование и, возможно, в перспективе стаж работы в неправительственных организациях в сфере предотвращения конфликтов. Будет вестись целенаправленная работа в этой области. Нам хотелось бы не только, чтобы каждый знал как вести себя при конфликтах, но и чтобы были специалисты в этой области.

Виталий Пыхов: У меня вопрос к Ырысбубу Бейбутовой. Вы сказали, о том, что у вас были попытки системной подготовки конфликтологов, но никаких результатов не было достигнуто?

Ырысбубу Бейбутова: Дело в том, что очень многие студенты, которые заканчивали эти программы, были высоко конкурентноспособны, они работают в различных международных

проектах. У нас остались только четыре человека, которые собираются защищать кандидатскую диссертацию.

Существует спрос на специалистов, которые знают, как разрешать и предотвращать конфликты, вести себя, готовить кадры.

Очень много наших выпускников работают в Министерстве иностранных дел. Когда дипломаты не могут договориться, начинается война. В Кыргызстане происходит множество приграничных конфликтов, а это означает, что существует высокая потребность в молодых людях, которые знают, как работать в этой области.

Багышбек Раимбеков: Работая с конфликтами, мы чувствуем, что у нас не хватает квалифицированных конфликтологов. В рамках новых стандартов, будете ли вы при наборе абитуриентов придавать особое значение тем ребятам, которые будут поступать к вам из полиэтнических сообществ? С какими государственными органами вы планируете сотрудничать? Например, ваши студенты могли бы проходить у нас стажировки и учебные практики.

Ырысбубу Бейбутова: Для нас сотрудничество со структурами, которые могли бы взять наших студентов на практику, очень необходимо.

Конечно, нам хотелось бы, чтобы у наших студентов был определенный стаж работы или навыки в области предотвращения конфликтов, но не забывайте, что хорошее образование стоит хороших денег. Я работаю в ИИМОП при КНУ им. Ж.Баласагына. На нашем факультете цена обучения составляет 35 800 сом. Преподаем два языка, английский и кыргызский без права выбора, и тринадцать языков на выбор студента, каждому из них также как и в МГИМО выделяется по 10-12 часов. Очень много курсов

читаются на английском языке.

К сожалению, система льгот достаточно жесткая. Несколько лет назад для всех отличников была скидка 50 процентов. 55 человек до третьего курса на нашем факультете учились на отлично и мы давали им скидку. В итоге институт недополучал большие деньги, и мы ввели в разряд специальных дисциплин кыргызский язык, то есть по кыргызскому языку тоже нужно было получить пять и тогда все отличники «посыпались».

Сейчас таких социальных льгот нет, есть только льготы для круглых сирот, инвалидов от рождения в виде 30-50 процентной скидки. Мы обращаемся в международные организации, чтобы они оплатили подготовку трех-четырех студентов.

Алия Буркитова: Уважаемая Ырысбубу Алджамбаевна, вы говорили о том, что ваши ребята закончили магистратуру, но не смогли поделиться своими знаниями, обучить следующее поколение. Были ли созданы какие-либо условия для этого? Насколько я знаю, в западных странах при вузе существуют лаборатории, которые дают возможность магистрантам продолжить свои исследования в выбранном направлении.

Второй вопрос, есть ли в вашем учебном плане предмет «Психология», ведь этот предмет является составляющей конфликтологии?

Ырысбубу Бейбутова: Предмет «Психология» в нашем плане есть, называется «Психология войн и конфликтов».

Я хотела бы отметить, что часть наших выпускников работает в области предотвращения конфликтов.

Кроме того, мы очень трепетно относимся к нашим

преподавателям, которые обучились за рубежом и получили докторскую или магистерскую степень. В этом смысле нам помогает Фонд «Сорос – Кыргызстан», в рамках программы Academic Fellowship Program (Программа Академического Развития). Они поддерживают тех, кто имеет зарубежную степень магистра, PhD в определенных областях. Таким образом, сейчас у нас есть возможность оплачивать одного преподавателя со степенью PhD и четырех преподавателей со степенью магистра в области международных отношений и конфликтологии. Они выплачивают им зарплату в 400 евро в месяц, а в университете они получают всего лишь 2500 сом.

Фонд Ага Хана поддерживает в Таджикистане конфликтологическую школу. Наши студенты через этот фонд выезжали на месячные тренинги в Косово.

Алия Буркитова: Эльмира Байышевна, в январе 2010 года в школах была введена должность социального педагога. Какую работу вы проводите в этом направлении?

Эльмира Арапова: Если Ырысбубу Бейбутова занимается возвращением конфликтологов для работы в международной сфере, в сфере межнациональных конфликтов, конфликтов во внешней политике, то мы занимаемся конфликтами, которые происходят в школах и местных сообществах.

Одним из приоритетных направлений нашей деятельности является работа с конфликтами в школьной среде. Действительно, социальные педагоги в школах есть, но как показала практика в основном это люди, не имеющие специального образования. В связи с низкой заработной платой, учитель химии или биологии параллельно является социальным педагогом. Соответственно, он не может помочь разрешить конфликты в школе, так как не владеет необходимыми инструментами.

В школах открыли кабинеты профилактики школьного рэкета, они решили, что если откроют кабинет, повесят стенды, то проблема школьного рэкета решится, и профилактика в школе будет проведена. Но я не видела, чтобы школьники заходили в этот кабинет и читали стенды о том, как уберечься от школьного рэкета. На протяжении трех лет мы работаем со школами, в этом году уже с 30 пилотными школами города Бишкека. Я хочу отметить, что школьный рэкет – это очень сложная проблема, и для ее решения нужны именно конфликтологи. Я думаю, что наша молодежь должна быть вовлечена в решение этих проблем, в первую очередь, в школах и вузах.

Чинара Кашкараева: В течение пятнадцати лет на факультете «Международных отношений» КРСУ преподается курс, который называется «Современные конфликты и проблемы их урегулирования». Это узкий курс, он изучает только региональные и международные конфликты. Но первоначально наш курс назывался «Основы конфликтологии», тогда я убедилась, что подготовить конфликтолога – это очень трудная задача. В этом отношении я хотел бы поблагодарить Ырысбубу Бейбутову, потому что в практической подготовке конфликтологов Национальный университет сегодня главный. Начиная с 1998 года, вы проводите «Мирные игры», которые дают студентам хорошую возможность поработать теоретически и практически над анализом конфликта.

Кто такой конфликтолог? Назвать себя конфликтологом может не каждый, потому что это практическая работа. У нас нет такой специализации, по сути, мы не готовим конфликтологов.

Конфликтолог, в первую очередь, это психолог, если это межличностный или внутриличностный конфликт, а если это международный конфликт, то он должен быть международником. Получается, что если человек работает в сфере разрешения конфликтов, то он себя уже считает конфликтологом, я считаю что это не совсем верно. Необходимо понимать, что у нас нет государственных стандартов по подготовке конфликтологов.

В 2003 году мы с Ырысбубу Бейбутовой побывали в Институте мира ООН в Будапеште и насколько я знаю, у вас есть сертификат миротворца. В связи с этим вопрос: проводите ли вы занятия по разрешению конфликтов?

Ырысбубу Бейбутова: Я веду два курса: «Миссия ОБСЕ, ООН, ЮНЕСКО в области предотвращения конфликтов» и «Введение в конфликтологию».

Конфликтология – это междисциплинарная область, здесь должны быть и международники, и журналисты, и историки. Мы не знаем, что будет в будущем в этой области, но знаем, что это будет автономная и очень интересная научная отрасль. Самое главное, что в практическом плане это очень нужная наука.

Наша цель – воспитать новое поколение людей, которые были бы просвещены в области конфликтологии и миростроительства и, которые могли бы влиять на принятие государственных решений, вовлекая в процесс управления все больше образованных профессионалов.

Затем участники конференции провели обсуждение в малых группах на тему: «Необходимость профессионального обучения конфликтологов в Кыргызстане».

В ходе обсуждения участники задавались большим количеством вопросов, на которые постарались ответить.

I Кто такой конфликтолог? Это специалист, у которого есть определенные компетенции для того, чтобы заниматься анализом

конфликтных ситуаций в различных сферах, выработкой определенных рекомендаций по предотвращению конфликтов. Область деятельности конфликтолога: уже случившийся конфликт или ситуация, которая может привести к конфликту; выработка рекомендаций, которые помогут разрешить конфликт, если он случится.

Нет необходимости массово обучать конфликтологов, так как область деятельности очень узкая, почти научная. В массовом порядке конфликтологи не востребованы.

II Кто будет готовить конфликтологов в нашей стране?

Это достаточно специфическая область, необходимо готовить конфликтологов в каком-то одном вузе, где есть наработанная методическая база. Безусловно, необходимо понимать, что подготовка высококвалифицированного конфликтолога – это дорогое удовольствие.

Также участники предложили три варианта обучения:

1. Во все специальности, которые существуют в реестре Министерства образования, внедрить предмет «Основы конфликтологии», в том числе для государственных и муниципальных служащих. Благодаря этому предмету студенты узнают о том, что такое конфликт, какие существуют виды конфликтов, стадии и методы разрешения конфликтов и так далее.
2. Человек может овладеть необходимой специальностью на уровне бакалавриата, а на уровне магистратуры уже осваивать конфликтологию, то есть он станет конфликтологом в той сфере, которую он выбрал.
3. Подготовка конфликтологов со школьной скамьи. Такие специалисты смогут реализовать себя в общественной

сфере, например, в общественных консультационных советах. Они могут работать на уровне айыл окмоту, районов, областей и правительства. В этом случае, необходимо, чтобы в этих структурах была предусмотрена подобная штатная единица.

III Где будут работать конфликтологи? В Кыргызстане очень мало исследовательских институтов. Международные проекты краткосрочны и не совсем ясно: сможет ли человек выстроить в данной сфере свою карьеру. Существует возможность внедрять подобных специалистов в сферу общественного управления.

В очень многих структурах люди даже не подозревают, что им необходимы подобного рода специалисты, например, в Америке или Европе те, кто защищался или закончил магистратуру по предотвращению конфликтов работают в ОБСЕ, НАТО, то есть в военно-политических организациях. Кто из специалистов, которые обучались данной специальности в Кыргызстане смог бы работать в Министерстве обороны, Министерстве внутренних дел? Их в эти структуры работать не берут. Они востребованы в основном в НПО, международных организациях.

IV Какой продукт будет предлагать конфликтолог? Если человек исследует конфликты, то он является конфликтологом, если он консультирует людей относительно того, как разрешить конфликт, то это уже сфера консалтинга, если же он занимается разрешением конфликтов, то он уже медиатор. Конфликтолог должен заниматься анализом ситуации и выработкой рекомендаций, работать в области предотвращения конфликтов. Необходимо проводить разграничение между медиатором и конфликтологом.

V Под большим вопросом остается оплата работы конфликтолога.

Участники отметили, что для того чтобы снизить конфликтогенный потенциал необходимо проводить просвещение в сфере конфликтов

с детских садов, чтобы через несколько лет специалисты не работали в поле разрешения конфликтов, а занимались лишь их профилактикой.

В связи с этим возник вопрос: необходимо ли ориентироваться на рынок и готовить конфликтологов в частном порядке или государственные структуры должны заботиться о том, чтобы соблюсти стабильность в стране и внедрять везде конфликтологов?

В заключение модератор подвел следующие итоги презентаций:

Мы зафиксировали, что мир меняется и довольно быстро, и мы попадаем в эти изменения. Но мы не можем представить и ясно понять, где мы будем через 10-15 лет, но очевидно, что все шаги обладают конфликтогенным потенциалом.

Совершенно неважно состояние экономики в стране, мы не можем указать ни одной страны, где бы не происходило внутренних конфликтов, поскольку мир в целом вступил в системный кризис.

Существует университетское образование, которое построено по принципу подготовки специалистов, но есть еще и компетенции, когда один и тот же специалист, например, историк может получать компетенции и в других сферах, в том числе, по конфликтологии.

Конфликтология, вне всякого сомнения, относится к одной из важнейших компетенций в современном мире. Общества изменились, они перестали регулироваться только традициями и обычаями, либо группой управленцев. Исчезло такое понятие, как «абсолютный авторитет», каждый свободен, каждый сам за себя. В условиях свободы всегда происходят конфликты, так как нужно бороться, конкурировать, бывает, что конкуренция переходит деструктивные столкновения – а это уже конфликт.

Компетентность, связанная с деятельностью в условиях конфликтности, одна из базовых нарастающих потребностей в системе образования и обучения в Кыргызстане.

День второй, 17 января 2014г.

Сессия №3 «Развитие института медиации в КР»:

Спикеры:

- **Наталья Афанасенко**, ассистент программ ОФ «Лига защитников прав ребенка»
- **Гульсина Кожоярова**, директор Центра «Медиации и активного тренинга»

Наталья Афанасенко: Здравствуйте, уважаемые участники конференции, я расскажу о нашем опыте по внедрению «Школьных служб примирения» (ШСП), которые являются одним из компонентов программы «Школа без насилия». Это сербская программа, которая была инициирована Аппаратом Омбудсмана, поддержана ЮНИСЕФ, к ее реализации присоединились государственные органы, осуществляющие деятельность по продвижению прав детей. Пять госорганов объединили свои усилия – Министерство образования, Министерство социального развития, Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения, Министерство молодежи, труда и миграции, Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтническим отношениям при Президенте КР.

«Школа без насилия» – это очень обширная программа, которая включает в себя постоянные исследования, касающиеся уровня насилия в пилотных школах. На сегодняшний день мы охватили 28 пилотных школ по всей Республике. Нам удалось создать внутреннюю и внешнюю сеть защиты, то есть сеть органов, куда ребенок может обратиться, если он сталкивается с насилием или

жестоким обращением в школе. Внутренняя сеть состоит из представителей администрации, педагогов, сотрудников школ. Внешняя сеть – это те государственные органы, неправительственные организации, которые занимаются защитой прав детей. Также мы практикуем выработку ценностей и правил на уровне класса, школы, совместно с учениками. Происходит процесс разработки приемлемых формы поведения в школе, обговаривается и наказание за нарушения этих правил.

Мы внедрили в программу также профилактику правонарушений, пропаганду здорового образа жизни, техники безопасности и так далее. Одним из компонентов, которые мы добавили в программу «Школа без насилия» – это «Школьные службы примирения». В Сербии такого компонента не было, медиация в 2011 году только начала активно развиваться. К нам приезжал эксперт Рустем Максудов, проводил обучение, и мы увидели, насколько эффективны ШСП в школах России. Программа «Школа без насилия» также включает непосредственное вовлечение учащихся в разрешении конфликтных ситуаций.

ШСП – это служба, которая работает с конфликтными ситуациями в школе, ребята выступают в качестве медиаторов под руководством взрослого куратора этой службы. Кураторы совместно с подростками проходят специальное обучение по медиации для проведения примирительных процедур. Если в конфликте чувствует взрослый человек, то подросткам помогает куратор.

Цель создания этой службы – содействие профилактике правонарушений и работа с участниками конфликтных и криминальных ситуаций на основе принципов восстановительного правосудия. Задачами ШСП являются: анализ конфликтных ситуаций в школе; создание комфортных условий для учащихся в школе во время образовательного процесса; проведение примирительных программ; возвращение ребенка в общеобразовательный процесс. Как известно при конфликтных ситуациях некоторые дети выпадают из образовательного процесса, многие отказываются ходить в

школу из-за отношения учителей, учеников и поэтому одной из задач ШСП является возвращение ребенка в образовательный процесс.

Также ШСП проводит обучение желающих навыкам эффективного взаимодействия, коммуникативным компетенциям и устранению причин возникновения конфликтов. Принципы деятельности ШСП – это те же самые принципы, на которых основывается медиация, то есть добровольность, конфиденциальность, нейтральность, информированность сторон, ответственность сторон и медиатора, стороны ответственны за принятие и выработку решения, медиатор обеспечивает лишь сам процесс медиации.

ШСП применяют восстановительный подход – передача ответственности за разрешение конфликтной ситуации на участника ситуации, акцент делается на заглаживании вреда, а не на выяснения того, кто виноват в конфликте. Посредством такого подхода вырабатывается ответственное отношение участников к своим поступкам в конфликтных ситуациях.

Медиаторами, при условии прохождения специальной подготовки, могут быть учащиеся, учителя, родители и сотрудники государственных и неправительственных организаций, по согласованию с администрацией школ.

Взрослый куратор участвует в процедуре тогда, когда одной из сторон конфликта выступает взрослый человек, в этом случае куратор обязательно должен получить согласие родителей учеников, потому что многие родители опасаются, что после проведения примирительных процедур ученикам будут мстить или процедура негативно повлияет на их детей. ШСП должна разработать свое положение, где расписывается порядок проведения процедуры примирения и другие необходимые организационные моменты.

Куратором ШСП может быть человек, который пользуется доверием не только среди учителей, но и среди учеников школ, а также их родителей. В пилотных школах куратора выбирали ученики, мы просили, чтобы это не был человек, назначенный директором, который ему удобен, а чтобы выборы прошли путем открытого либо тайного голосования. Если куратора назначит администрация школы, то в ШСП ученики обращаться не станут, потому что они не будут ему доверять. Оптимально, если куратор будет учителем, который хотя бы год проработал в школе, так как этот человек должен иметь доступ к информации об имеющихся конфликтах в школьной среде. Куратором может быть заместитель директора по воспитательной работе, психолог, социальный педагог, любой учитель, родитель или человек, привлеченный из неправительственной организации.

Мы делаем акцент на группе поддержки, которая состоит как из взрослых, так и из учеников. Взрослый, в том числе и директор, могут отказаться от традиционных методов реагирования на конфликтные ситуации и передавать информацию о конфликтах в ШСП.

Группа поддержки – это люди, которые не являются непосредственными медиаторами, они обеспечивают, так называемую, рекламную кампанию в ШСП, создают имидж, выпускают стенгазеты, проводят выступления на родительских собраниях, перед активом класса и агитируют учеников при возникновении конфликтных ситуаций обращаться в данную службу.

Сфера влияния ШСП в школе – это разрешение конфликтов силами самой школы, когда конфликт не выносится за рамки школы. Как известно, администрация школы не очень любит выносить конфликт за пределы учебного учреждения, потому что это грозит им карательными мерами, проверками, школа пытается скрывать какие-то факты насилия. Служба примирения позволяет решать многие конфликты собственными силами.

Посредством ШСП мы пытаемся изменить способы реагирования на конфликтные ситуации. Учителя и администрация школы привыкли действовать директивными и административными способами при конфликтной ситуации. Они вызывают родителей в школы, передают дела в ИДН, Комиссию по делам детей и так далее. ШСП позволяют всего этого избежать. Это так же профилактика школьной дезадаптации и школьное самоуправление, волонтерское движение подростков школы, активное привлечение учеников в разрешении конфликтных ситуаций среди учащихся.

Откуда может поступать информация о конфликте в ШСП? Информация, конечно, будет поступать от учителей, администрации школы, учащихся, инспекторов ИДН, из «ящика доверия». Хотя как показала практика, «ящик доверия» не очень эффективен, в основном дети туда скидывают любовные записки или обидные прозвища в адрес кого-то. Тем не менее, в некоторых школах он помогает.

Форма работы – это проведение медиаций участниками ШСП, обучение подростков и взрослых конструктивной коммуникации. Следует отметить, что не каждая конфликтная ситуация, которая произошла в школе, будет рассматриваться в ШСП. Существует определенные стандарты, критерии и правила отбора, случая, который может быть рассмотрен. Как вы знаете, существует принцип добровольности, если одна из сторон не согласилась участвовать в конфликте, то, соответственно, мы не можем привлекать ее к проведению процедуры медиации.

Необходимо также признание существования конфликта обеими сторонами, после конфликта должно пройти не менее одного-двух дней, но не более месяца. Если прошло слишком мало времени, то эмоции будут очень сильными и стороны не смогут услышать друг друга, медиация будет неэффективной. В то же время, если прошло слишком много времени, то могут быть применены другие меры, в том числе, и административные либо ситуация потихоньку забудется.

В программе могут участвовать ученики старше 10 лет, так как считается, что в этом возрасте ребенок уже способен самостоятельно принимать решения, отвечать за свои поступки и выражать свое мнение. Программа не проводится по фактам употребления наркотических средств и крайним проявлениям жестокости.

Каковы положительные результаты для нарушителя при применении медиации в школе? Это осознание причины своего поступка и его последствий, принесение извинений, получение прощения. Детей, которые совершили какое-то насильственное действие, явились причиной какого-то конфликта в школе, не нужно сразу называть преступниками, многие совершили тот или иной поступок по незнанию, возможно, они хотели бы принести свои извинения, хотели бы это как-то загладить свою вину, но не знают, как это сделать. Многие дети не знают, как можно возместить причиненный вред, вернуть к себе уважение или восстановить отношения с семьей, которые были нарушены в результате конфликтной ситуации.

Результатами для потерпевшего являются: избавления от негативных переживаний и желания отомстить.

В 2011 году мы начали реализовывать данный проект всего в четырех пилотных школах в районах, в которых отмечалось большое количество фактов насилия, суицидов, жестокого обращения в ученической среде, в Джалал-Абадской, Ошской областях, городе Бишкек и Түпсөм районде Иссык-Кульской области. В 2012 году мы начали реализовывать проект в 16 новых школах. Школы первого этапа стали ресурсными центрами и оказывали какую-то помощь, делились своим опытом, проводили консультации для школ, которые только вступили в программу.

В 2013 году в программу было взято еще три школы, таким образом, в программу вовлечены школы из всех регионов

Кыргызстана. О нашей программе «Школа баз насилия» слышаны и в Жогорку Кенеш, она была рекомендована парламентом для внедрения во все общеобразовательные организации.

В 2013 году количество положительно разрешенных конфликтных ситуаций в школах выросло, их стало гораздо больше по сравнению с 2012 годом.

В ШСП проводят не только примирительные процедуры, но и обучают навыкам восстановительной медиации, коммуникативным компетенциям участников учебно-воспитательного процесса. В 2012 году было обучено 1716 человек, в 2013 году 1329 человек. Очень важно проводить обучение, чтобы дети делились своими навыками, распространяли информацию о навыках коммуникативной компетенции. Наша задача состоит не в том, чтобы сделать всю школу медиаторами, а в том, чтобы обучить учеников, учителей, и родителей новым навыкам коммуникации, разрешению конфликтных ситуаций.

Когда мы проводим мониторинг, представители ШСП рассказывают о трудностях и опасениях. В первую очередь, многие жалуются на то, что отсутствует поддержка ШСП со стороны администрации, педагогов школы. Многие рассказывают о том, что педагогам сложно перестроиться и использовать новый метод разрешения конфликтов, они привыкли разрешать конфликты административным способом.

Следующая проблема – это недоверие со стороны учащихся, очень многие ученики скрывают факты насилия. Учителя рассказывали такие примеры, когда ребенка побили в туалете, он вышел оттуда с синяками, но не рассказал ни ученикам, ни родителям, ни учителям, что с ним произошло, так как это считается позорным.

Зачастую у членов ШСП не хватает материалов для проведения тренингов, аудио, видеоматериалов по медиации. Работа ШСП

занимает очень много времени у учеников и учителей, так как необходимо готовить отчетную документацию, регистрацию примирительных процедур.

Еще одна проблема – это опасение родителей по поводу работы учащихся в ШСП. Спасибо.

Гулсина Кожоярова: Добрый день, уважаемые участники конференции. В своем выступлении я бы хотела акцентировать внимание на двух моментах. Я немного расскажу о практической деятельности нашего центра и потом о проблемах, задачах, которые стоят сегодня перед теми, кто интересуется медиацией, хочет, чтобы этот институт заработал у нас в стране.

Центр медиации активного тренинга работает один год. Мы не привлекали донорские средства, так как наши услуги платные. За год мы провели 17 консультаций по медиации, 10 процедур медиации, пять из которых успешны. В ходе деятельности мы столкнулись с определенными проблемами. В первую очередь – это плохая информированность людей о данной услуге.

На мой взгляд, для того чтобы медиация состоялась как институт в нашей стране необходимо несколько базовых составляющих.

Первое, необходима потребность населения в данном виде деятельности. Второе, нужны подготовленные люди, которые готовы предоставить эту услугу. Третье, нужна поддержка и заинтересованность государства.

Если говорить о потребности в данной услуге, то она существует, потому что не все люди в силу своих природенных качеств готовы ринуться в бой сразу и решать спор путем войны. Многие готовы решать вопрос путем нахождения компромисса, чтобы учитывались интересы обеих сторон.

Касательно людей, которые могли бы предоставлять услуги по медиации на профессиональном уровне, то, конечно, такие люди у нас есть, но их очень мало.

Государство в данном вопросе хотя и декларативно, но уже определило свою позицию. Институт медиации будет внедряться в Кыргызстане, об этом сообщил в своем Указе «О мерах по совершенствованию правосудия в КР» в 2012 году Алмазбек Атамбаев. Задачи такого типа, как внедрение альтернативных способов разрешения конфликтов, внедрение примирительных процедур в уголовное судопроизводство, включили в Национальную стратегию устойчивого развития. Я полагаю, что развитие сферы альтернативного разрешения конфликтов зависит от нашей активности, от желания. Я вижу две проблемы, которые необходимо решить медиаторам, консолидировавшись.

Первое – провести широкомасштабные информационные кампании, которые будут включать в себя социальные ролики, выступление на телевидении, в Интернет-пространстве, на радио и так далее.

Второе – содействовать любыми способами принятию закона о медиации. В прошлом году были больше дискуссии по поводу того, нужен нам законопроект или не нужен. Практический опыт показал, что когда, разрешаешь споры между коммерческими структурами, в первую очередь, их волнует вопрос конфиденциальности. Поскольку основным из принципов медиации является конфиденциальность, они спрашивают о том, чем мы можем ее гарантировать. Учитывая, что закона о медиации нет, то медиаторы в этом плане не защищены. Например, в адвокатской деятельности существует такое понятие, как «адвокатская тайна». Если же к медиатору придут правоохранительные органы, либо медиатор будет вызван на судебный процесс в качестве свидетеля, то он обязан будет дать пояснение по процедуре, которую провел. Хотя бы один этот момент требует того, чтобы институт медиации был закреплен законодательно.

Готовясь, к выступлению я просмотрела планы международных донорских организаций, которые поддерживали развитие медиации в нашей стране, согласно им у нас в стране не планируются большие программы в этом направлении, поэтому надеяться на донорскую помощь нет смысла. Медиаторам необходимо объединяться и проводить самостоятельную работу в этом направлении.

Абдурасулжан Умаралиев: Вопрос к Наталье Афанасенко. Любой проект, который перенимают из других стран, должен перерабатываться или адаптироваться. Насколько учтены особенности менталитета при реализации вашего проекта? Есть ли у вас сборники или публикации по историям успеха?

Наталья Афанасенко: Как я уже говорила, проект является пилотным, потому что наша страна имеет свои особенности. Мы хотим посмотреть, как он будет работать у нас и адаптировать его к нашим реалиям. У первых школ, которые приняли участи в нашем проекте, практически не было никакого материала, мы его разрабатывали в процессе, методом проб и ошибок. Школы сами разрабатывали документы, положения для того чтобы посмотреть насколько это действенно. Одним из компонентов в Сербской модели было создание школьной команды, которая должна была планировать, регулировать, регламентировать реализацию данной программы в школе. По итогам двух лет реализации проекта мы увидели, что это функция совета профилактики, который существует уже в школе. В этом году мы рекомендовали школам просто расширить функции совета профилактики, для того чтобы не было дублирования функций.

Мы постоянно проводим мониторинг в тех школах, где реализуется проект, и узнаем, какие трудности возникают у участников, какие компоненты проекта успешны, а какие нет. Исходя из рекомендаций участников проекта, каждый год корректируем программу. Как я уже говорила, Жогорку Кенеш планирует ввести эту программу во все школы Кыргызстана, и если мы сейчас ее не

отладим, не проработаем все трудности и недостатки, то можем потерпеть неудачу.

Касательно успехов, только в этом году мы начали собирать информацию о положительных примерах, которые принесла эта программа. У нас также имеется информация о том, что в некоторых школах эта программа реализуется очень тяжело, так как требуется задействовать весь коллектив, каждый должен быть заинтересован в решении проблемы. В 2013 году мы разработали несколько печатных изданий для школ.

Во-первых, это методическое пособие по проведению внеклассных занятий для школ, в которое входит 12 уроков для учителей, 12 уроков для учеников. Во-вторых, была разработана типовая инструкция касательно того, как должны вести себя учителя, администрация, родители, при фактах насилия. Также мы разработали типовую инструкцию для юристов по этой же тематике.

Кроме того, был разработан специальный протокол по межведомственному взаимодействию. Как я уже говорила, в реализации проекта участвуют пять министерств. В этом протоколе мы попытались определить, исходя из их функционала, как должны реагировать данные органы на случаи насилия в школе.

Также было разработано практическое руководство по ШСП и навыкам коммуникативных компетенций, не всегда люди сразу понимают, что это такое. Например, ученики путали ее с медиаторами, поэтому мы пошагово прописали, как должна организовываться эта служба, что должно туда входить, чем она должна заниматься и так далее.

Эти документы проходят апробацию в пилотных школах. Они были распространены не только по пилотным школам, но также через

городские и районные отделы образования по пилотным регионам. Пока тираж этих изданий ограничен. Школы должны посмотреть, как это будет работать.

Алия Буркитова: Вы сказали о материалах, инструкциях, разработанных в рамках вашего проекта, были ли они утверждены Министерством образования и науки КР?

Мы работаем в комитетах по предотвращению конфликтов через школьные органы самоуправления, и хотели бы также перенять ваш опыт, а также документы, разработанные вами, чтобы разработки в этой сфере имели устойчивость и все работали по одним документам. Кто является вашими партнерами, кроме министерств, которые вы перечислили?

Наталья Афанасенко: Как я отметила выше, все эти документы проходят апробацию в пилотных школах, мы все еще работаем над ними и просим участников проекта дать нам информацию о том, что будет работать, а что нет, что нужно убрать, а что необходимо доработать.

В этом году мы хотели полностью передать эту программу государственным органам – непосредственно Министерству образования и науки КР и Аппарату омбудсмена, которые проводят анализ и мониторинг конфликтных ситуаций в учебных заведениях нашей республики. Министерство образования оповестило нас о том, что уже включило нашу программу в концепцию воспитательной работы. Сейчас они отдали ее на утверждение в Жогорку Кенеш. Мы просим Министерство образования о том, чтобы оно рекомендовало всем школам включить эту программу в обязательный годовой план.

Чынара Сейдакматова: Наталья, скажите, пожалуйста, связывали ли вы детский суицид с насилием в школе? Проводился ли анализ в этой сфере, выводились ли какие-то закономерности

формирования конфликтной почвы? Я слышала, что именно в Иссык-Кульской области самое большое количество детских самоубийств. Чем, на ваш взгляд, это можно объяснить?

Наталья Афанасенко: Специально анализ мы не проводили. Но через СМИ передают сводки МВД, где говорится о большом количестве суицидов, в том числе в Иссык-Кульской области.

Исходя из этого, мы отбирали наши пилотные школы. В числе школ первого этапа была школа имени Карымшакова в селе Тюп, на втором этапе мы взяли школу имени Кайкина из села Тюп и две школы в городе Каракол, в 2013 году еще одну школу в Караколе. В этом году мы планируем охватить еще восемь школ. В ЮНИСЕФ хотели, чтобы мы работали только со школами из южных регионов страны, так как там наиболее напряженная обстановка. Но из-за того, что в Иссык-Кульской области происходит много суицидов, мы решили взять две школы именно оттуда.

Чынара Сейдакматова: Каковы результаты вашей работы?

Наталья Афанасенко: Согласно исследованию, уровень насилия в пилотных школах снизился, конфликтов стало меньше. Уровень конфликтности снижается, конечно, не такими темпами как нам хотелось бы. Но детей, которые стоят на учете в ИДН, стало меньше.

Асель Мамбетова: Вы говорили о методичках, мы тоже работали в школах и создали фильм, который называется «Мышеловка», он о школьном рэкрете, на кыргызском, русском, узбекском языках. В этом фильме пошагово объясняется, как ребенок должен себя вести, в том случае, если он столкнулся со школьным рэкетом. В основу этого фильма была заложена ситуация, произошедшая в Базар-Коргонском районе в школе № 21, где в прошлом году погиб ребенок. Восемь мальчиков из Базар-Коргона были помещены в СИЗО, четверо из них были освобождены. Сейчас они приехали в свое село и лишились права обучаться в школе, поскольку они

попали в тот же класс, где избили мальчика, который в последствие скончался. Село сейчас находится на грани конфликта, он давно вышел за стены школы, в него вовлечены родители и родственники сторон. Директор школы был уволен, но в этом же году ее вернули обратно, потому что не было другого кандидата. Этот конфликт разрастается.

Этот диск с рекомендациями для детей был апробирован в школах. Дети с седьмого по одиннадцатый классы восприняли этот фильм достаточно эмоционально, это помогло им. Мы предоставили 1500 экземпляров для Министерства образования и 100 штук в школы города Бишкек.

Сейчас Министерство образования и науки КР дало официальное разрешение использовать этот фильм в качестве методического пособия для внеклассной работы с учителями и учениками. К этому фильму мы разработали также инструкцию по обсуждению проблемы рэкета с учителями, школьниками и родителями. Думаю, что эту разработку будет полезно включать в ваши тренинги и проекты по работе со школами.

Наталья Афанасенко: По поводу фильма, он очень хороший. Мы его тоже посмотрели и уже запросили у вас разрешение на его распространение среди наших пилотных школ.

Чинара Сейдакматова: Я сотрудничаю с культурно-исследовательским центром «Айгине», который изучает традиции и в 2011 году мы реализовали проект по конфликтологии «Ынтымак чатак», в рамках которого издали пособие о традиционных способах разрешения конфликтов.

Наргиза Конушалиева: Я тоже хочу поделиться информацией. ОФ «Лига защитников прав ребенка» выпустил пособие «Профилактика рэкета в школах Кыргызстана», его вы можете найти на сайте www.crdl.kg.

На базе Центра помощи детям работает телефон доверия для детей. Кроме того, мы проводим информационные кампании, выпустили брошюры, медиаматериалы. Все это было распространено по школам. Наши волонтеры проводят информационную кампанию.

Алия Ибраимова: Я представляю общественный фонд «САМР-Алатоо» и в рамках своего проекта «Управление конфликтами за природные ресурсы» мы также разработали модуль по управлению конфликтами в школе. Этот модуль был разработан на основе тренинга, который мы проводим для взрослых. Основная цель нашей работы – это управление конфликтами за природные ресурсы, но мы также хотели, чтобы школьники научились вести себя в конфликтной ситуации и оценили важность управления природными ресурсами. Данный модуль был внедрен в 2013 году, мы обучили учителей пилотных школы в Баткенской области. Проведено уже девять семинаров для школьников.

Багишбек Раимбеков: Что в основном является причиной возникновения конфликтов и суицида подростков? Если говорить о школьном рэке, на ваш взгляд, носит ли он межэтническую окраску?

Наталья Афанасенко: Во-первых, это наше социально-экономическое положение. Больше всех страдают дети мигрантов, родители оставляют детей в лучшем случае с близкими родственниками. Был случай, что ребенка оставили квартирантам. Недостаток родительского внимания, недостаток воспитания негативно сказывается на ребенке.

Также влияет на возникновение конфликтов, в том числе и рэкет, расслоение общества на богатых и бедных, в основном ученики хотят иметь очень дорогие телефоны. Был случай, когда мальчик попросил у родителей лошадь, потому что его одноклассники на лошадях играют в «Улак-тартыш» (традиционная национальная игра). В Иссык-Кульской области родители не смогли купить

девочке на выпускной дорогое платье и она покончила жизнь самоубийством. Дети не умеют справляться с подобными проблемами, родители не уделяют этому должного внимания в силу того, что им нужно зарабатывать деньги.

Я разговаривала с директором одной школы. Она затронула проблему доступности информации о насилии в Интернете и СМИ. В Интернете существуют сайты, форумы, где подробно рассказывается о том, как покончить жизнь самоубийством. Все дети сейчас пользуются Интернетом, и это влияет на их жизнь и поступки.

Хочу напомнить, что психологи есть только школах города Бишкека, в регионах психологов нет вообще, с детьми некому работать. Ставку социального педагога ввели только в прошлом году, но опять-таки социальные педагоги, не знают, что конкретно входит в их обязанности.

Багишбек Раимбеков: Я бы хотел, чтобы все организации, работающие в этом направлении, скоординировали свои усилия. Мы, в свою очередь, тоже могли бы выступать в качестве со-партнера.

Рита Карасартова: Я хотела бы коснуться вопроса развития института медиации и рынка медиативных услуг в нашей стране.

В прошлом году я прошла обучение в Школе медиации, после которой каждый из участников запланировал свою деятельность в этой сфере на 2013 год. Ровно через год я прочитала свои планы и ахнула, поняв, что из всего запланированного практически ничего не сделано.

Я в медиацию пришла через свою работу – мониторинг судебных процессов. Я часто видела, что люди из-за пустяков судятся годами, подобные конфликты можно было бы разрешить с помощью

медиатора намного быстрее. Для этого люди должны узнать о медиации, как об услуге. Нашей организацией был создан сайт www.mediation.kg

Я готова отдать все доступы к сайту лицу, которое возьмет на себя ответственность за его работу и заполнение контентом. Для меня важно чтобы он стал площадкой, на которой мы могли бы обучать друг друга, чтобы мы могли учиться на чужих ошибках. Спасибо большое.

Алия Буркитова: Было сказано, что нам необходимо создать единое пространство, где собрались бы все международные и неправительственные организации, работающие с конфликтами. У нас, например, стартует проект, направленный на разрешение конфликтов через органы самоуправления, и для меня важно было узнать о том, что есть организации, которые работают в этом направлении. Хотелось бы, чтобы мы объединились и работали в одном направлении, чтобы у нас была возможность обмена опытом, обмена информацией, что в последствие будет влиять на устойчивость нашей деятельности.

Нам необходимо работать в правовом поле, совместно с министерствами, предлагать им проведение каких-либо круглых столов, конференций, где мы сможем дать свои рекомендации и рассказать о том, что было сделано. Я не думаю, что у представителей различных министерств есть возможность выезжать в области и наблюдать реальную ситуацию на местах, поэтому им необходима информация и рекомендации, которыми мы обладаем.

Рита Карасартова: Если вы хотите работать с органами местного самоуправления, то можете воспользоваться сайтом www.msu.kg

Также у меня есть информация по медиаторам с юга, которые прошли обучение в рамках проекта «Вовлечение религиозных лидеров в урегулирование конфликта». Я могу отправить желающим базу данных участников.

Гулсина Кожоярова: По поводу вопросов сотрудничества, я приветствую, то, что было сказано. Но прежде чем обмениваться информацией и работать в этом направлении, я бы все-таки остановилась и подумала об общей стратегии внедрения института медиации. Получается, что мы плывем по течению, хаотично, у нас нет стратегии, мы не знаем, как достичь желаемого, каждый работает в своем направлении, кто как понимает медиацию, а общего видения всей картины нет. На мой взгляд, мы, как сообщество людей, заинтересованных в том, чтобы этот институт был внедрен эффективно и качественно, должны сначала выработать стратегию его развития.

Сегодняшнее обсуждение показало, что школьная медиация у нас развивается, уже проводятся информационные кампании, и мы уже через десять лет будем иметь определенный слой населения, который информирован о медиации и будет больше обращаться к этой услуге. Но, тем не менее, большая часть населения в настоящее время оторвана от этой информации, так как нет общей стратегии информирования.

Поэтому я предлагаю тем лицам, которые заинтересованы работать в этом направлении, начать работать над стратегическим планированием внедрения института медиации в Кыргызстане. В свою очередь, я могу предложить свой центр в качестве площадки для встреч.

Поле общего обсуждения Сергей Масаулов провел «мозговой штурм» и участники определили меры, которые необходимо предпринимать для продвижения альтернативных методов разрешения конфликтов в КР.

Во время данной сессии участники поделились проблемами, с которыми они сталкиваются во время своей деятельности, и попытались определить наиболее эффективные методы для их решения. Кроме того, во время данной сессии модератор рассказал об основных моментах, которые необходимо учесть при планировании деятельности в этой области.

Сессия №4 «Роль молодежи в продвижении мирных методов разрешения конфликтов»

Спикеры:

- **Дилшат Мавлонов**, представитель ОО «Клуб молодых политиков», город Баткен
- **Виталий Пыхов**, студент МУЦА, Факультет «Международные отношения и политика», город Токмок, участник проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»
- **Элдияр Кокоманов**, председатель молодежного комитета ЖАГУ, город Джалал-Абад
- **Канатбек Маметов**, руководитель Молодежного Центра Развития, село Жаны-Жер, участник проекта «Молодые лидеры и мирное разрешение конфликтов»

Дильшат Мавлонов: Здравствуйте, уважаемые участники конференции. Тема моей презентации: «Конфликты в молодежной среде и способы их разрешения».

Первая проблема – это конфликты на границе. Зачастую, когда на границе происходит конфликт, молодежь используется в качестве инструмента для его разжигания. Это происходит из-за того, что молодые люди не имеют качественного образования, они не знают об альтернативных методах разрешения конфликтов и поэтому они пытаются решать их насильственным путем.

Вторая проблема – межнациональные и религиозные конфликты. В Баткенской области проживают представители различных этносов, и многие конфликты, к сожалению, носят межэтнический характер.

Кроме того, в последнее время часто возникают конфликты на религиозной почве между теми, кто читает намаз и теми, кто его не читает. Например, был конфликт, когда в школах запретили ученицам ходить в платках, после этого произошло очень много конфликтов. Сейчас девушки ходят в школу без платков.

Третья проблема – различие в восприятии. Конфликты происходят между сельскими жителями и городскими. В основном такие конфликты происходят в Кызыл-Кие, в Баткене, где городские жители настроены против переселенцев из сел.

Четвертая проблема – это рэкет. Во всех школах Баткена существует проблема рэкета, во время которого старшеклассники «наезжают» на учеников младших классов. Соответственно, это является также очередным конфликтогеном.

Пятая проблема – это конфликты между детьми и родителями. Здесь я лично хотел бы отметить отсутствие взаимопонимания между детьми и родителями. В последнее время в Баткене было много самоубийств подростков.

Наряду со всеми этими проблемами существует конфликт между молодежными криминальными группировками и представителями правоохранительных органов. Происходили стычки с применением оружия.

Виталий Пыхов: Добрый день, уважаемые участники конференции. Я являюсь студентом Международного университета Центральной Азии в городе Токмоке.

В октябре мы прошли пятидневную школу и изучили мирные методы разрешения конфликтов, перед нами была поставлена задача – открыть центр по разрешению конфликтов.

Сегодня я буду говорить о том, как молодежь может быть задействована в разрешении конфликтов. Много говорилось о теоретических знаниях, и мало было сказано о практических.

В начале нашей деятельности мы провели социологический опрос в нашем университете, во время которого попытались выявить конфликты, которые, по мнению респондентов, можно разрешить без вмешательства третьей стороны. На первом месте – конфликты с родителями. Молодые люди не хотят посвящать друзей, знакомых, родственников в проблемы семьи. Также молодые люди не хотят посвящать посторонних в вопрос о займе. Многие высказались против вмешательства третьей стороны в проблемы, связанные с куплей-продажей. Именно эти три проблемы, по мнению молодежи Токмока, можно решить самостоятельно, без чьего-либо вмешательства.

После обучения на базе университета мы создали центр, правда, он функционирует не в полной мере, потому что мы являемся студентами, и у нас нет возможности каждый день сидеть в этом центре и разрешать конфликты. Кроме того, мы провели тренинг, в котором приняли участие 21 человек, туда мы пригласили ребят не только с нашего университета, но и из других вузов города.

За время работы центра произошли три конфликтные ситуации, которые мы попробовали решить. Два конфликта были разрешены, третий конфликт можно не считать разрешенным нами, потому что мы помогли советом и стороны разрешили его сами

Мы уже два дня говорим о различных проблемах, и некоторые из них актуальны для нас. Очень четко выражена проблема, связанная с плохой информированностью населения о медиации, о

том, что конфликт можно решить без участия адвокатов и судебного процесса. Когда мы в университете провели тренинг о медиации, для всех участников это было неожиданным.

Сегодня большая часть молодых людей очень пассивна, молодежь живет в ином мире, в мире Интернета, не хочет сотрудничать с более взрослыми людьми, молодым людям все равно, какие проблемы волнуют общественность.

Исходя из этого, мы постарались определить, что необходимо сделать для того, чтобы молодежь была заинтересована в разрешении конфликтов.

Мы выделили следующие пункты:

1. Организационные меры – это информированность населения, необходимо проводить работу со СМИ, чтобы люди знали об альтернативных способах разрешения конфликтов.
2. Создание структуры, ассоциации, где люди могут взаимодействовать. Я сотрудничаю с мэрией города Токмок, так как являюсь представителем молодежного крыла политической партии в своем городе. Когда я зашел по делу к специалисту по социальным проектам, то узнал, что у нас в городе есть центр медиации, в котором состоит 20 человек. Молодежь не знает об этом центре.
3. Внедрение структуры, где каждый человек смог бы получить консультацию о том, как можно решить ту или иную проблему. Может быть, это будет общественная приемная, посредством которой человек узнает и об альтернативных способах разрешения конфликтов.
4. Создание идеологии активного вовлечения, необходимо дать понять молодым людям, что конфликты нужно решать, так как они разрушают государство.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что молодежь должна учиться решать свои конфликты сама, по правде говоря, я не могу обратиться к кому-то из старших, к примеру, мне легче разговаривать со сверстником. Сегодня много было рассказано о ШСП, и как я понял, ученики помогают разрешать школьные конфликты. Подобную практику необходимо внедрять и в университеты.

Эльдияр Кокоманов: Я очень рад приветствовать участников конференции. Я являюсь председателем Молодежного комитета Джалал-Абадского государственного университета. В своей презентации я хотел бы рассказать о деятельности, которая проводится 25 студентами – членами Молодежного комитета в сфере разрешения конфликтов. Вся деятельность поддерживается ректоратом университета. Молодежный комитет организует разнообразные мероприятия, в которые вовлекаются студенты нашего университета – тренинги, конкурсы, спортивные и культурные мероприятия.

Например, мы проводили тренинг для студентов различных вузов города Джалал-Абада, во время которого они смогли получить навыки и знания по мирным методам разрешения конфликтов.

Кроме того, студенты активно участвуют в реализации проектов, направленных на снижение конфликтного потенциала в Джалал-Абадской и Ошской областях. Так, например, в рамках проекта «Вовлечение студентов в построение мира», три инициативные группы реализовали свои мини-проекты. Студенты провели футбольный матч «Спорт – это вестник мира», конкурс рисунков на тему: «Молодежь за мир» и конкурс песни «Родина, мир и дружба».

Молодежный комитет организовывает и другие мероприятия, направленные на сплочение молодых людей-представителей различных этносов. Так, в 2013 году были проведены

региональные игры КВН. Активисты провели Фестиваль дружбы, на котором представители различных этносов показали культуру своего народа – песни, танцы. Затем была организована ярмарка «Национальный вкус», на которой представители различных народностей смогли представить гостям свои национальные блюда.

Канатбек Маметов: Я являюсь координатором молодежного центра в селе Жаны-Жер. В нашем селе фактически все конфликтные ситуации приобретают межэтническую окраску. Хочу рассказать, о том, что я получил от тренингов в IPP и как я применил эти навыки на практике.

Недавно в здании Жаны-Жерского айыл окомоту открылась общественная приемная по межэтническим вопросам. Там работает Салим Ибрамов, который тоже обучался медиации и является миротворцем. Я являюсь его помощником. В эту общественную приемную могут обращаться люди, которые живут не только в нашем селе, но и в соседних селах. Нам удалось разрешить конфликт, который произошел между жителями нашего села.

Багишбек Раимбеков: Когда мы изучали на предмет конфликтности Чуйскую область, сразу стало ясно, что в селе Жаны-Жер есть конфликтный потенциал. Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений при Правительстве КР, совместно с районной государственной администрацией, айыл окомоту, решили открыть общественную приемную по вопросам межэтнических отношений по Сокулукскому району именно в данном селе. Отрадно, что там есть инициативная группа, тем более прошедшая обучение.

Рита Карасартова: Мне приятно, что сегодня здесь представлена молодежь, которая готова заниматься разрешением конфликтов в нашей стране. И я вижу, что мне самой нужно у них обучаться.

Если эти молодые люди готовы принять участие в обсуждении на площадке, созданной нашей организацией, я буду только рада. У нас есть конференц-зал, где можно собираться в любое время. Мне бы хотелось, чтобы нынешняя молодежь, которая хочет взять на себя ответственность, начала работать в этом направлении.

Багишбек Раимбеков: Если рассматривать статистические данные, то в конфликтах, которые имеют межэтническую окраску, в основном принимает участие молодежь. Очень важно, чтобы молодые люди занимались профилактикой и предотвращением конфликтов.

Отмечу, что существует государственная «Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений». В рамках этой концепции государство и Фонд миростроительства ООН финансируют некоторые мероприятия. Я бы хотел призвать молодых людей быть активнее, я вижу, что во всех регионах есть инициативные группы. Было бы замечательно, если бы молодежные инициативы в направлении разрешения конфликтов оформлялись в виде проектов и давали хорошие результаты.

Сергей Масаулов: В заключение можно сделать следующий вывод – каждая организация очень много делает для продвижения альтернативных методов разрешения конфликтов. Нужно подумать над тем, как управлять тем, что вы делаете. Если для этого нужны какие-то занятия, нужно обучаться этому.

Мы выявили целый комплекс знаний, которые вам необходимы, чтобы стать успешными в области конфликтологии. Обучение необходимо проводить по следующим тематикам: «Сущность и природа конфликта», «Как разрешаются конфликты» и «Пост-конфликтная ситуация». Тренинг должен быть организован по принципу – получение навыков переговоров, договоров, навыков втягивания в переговоры, вам необходимо овладеть техникой управления толпой, и навыками работы в пост-конфликтный

период.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)